

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Алекс Орлов

Опасные союзники

Алекс Орлов

ОПАСНЫЕ СОЮЗНИКИ

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете
художника *В. Нартова*

Орлов, Алекс.

О-66 Опасные союзники / Алекс Орлов. — Москва :
Эксмо, 2015. — 416 с. — (Русский фантастический
боевик).

ISBN 978-5-699-77682-5

После головокружительных приключений, связанных с сокровищами королевского наместника, бывший вор Мартин обрел спокойную жизнь в доме на окраине Пронсвилля. Вместе с Рони, тоже завязавшим воров, они открыли лавчонку скобяных товаров. И надо же было такому случиться, что однажды она сгорела. Мартин и Рони остались ни с чем. Чтобы не умереть с голоду, пришлось Мартину набирать команду и отправиться к дальним землям. А такие путешествия сулят не только барыши. Впрочем, Мартину не привыкать сражаться с монстрами, идти на abordаж и преодолевать чары коварных красавиц...

Долгожданное продолжение «Сокровищ наместника»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77682-5

© Орлов А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Жизнь в Пронсвилле оказалась не такой беспечной и простой, как поначалу казалось Мартину и Рони. Да, цены на городском рынке были заметно ниже лиссабонских, но время шло, и заработанные деньги таяли, тем более что большую их часть Мартин с Рони потратили на покупку дома на окраине города с участком в двадцать таланов и хозяйственными постройками. Это обошлось в триста двадцать золотых терций — сумма немалая.

Разумеется, можно было купить за гроши усадьбу в деревне, но ехать в деревню они не хотели, там был свой маленький мирок, свои отношения, впутываться в которые ни Мартину, ни Рони не хотелось. Им хотелось удобств и процветания, ведь ради этого они немало потрудились.

Мартин даже подумывал завести семью и приглядывался к цеху белошвеек. Рони был для женитьбы слишком молод и поглядывал в сторону служанок — те были куда легкомысленнее.

Вместе с тем компаньоны понимали, что нужно как-то зарабатывать на будущее, поэтому купили пустующую лавку, привели в порядок и занялись торговлей коваными гвоздями и подковами.

За первые пару недель удалось наладить кое-какую клиентуру — наценки на гвозди делали совсем небольшие, и через месяц кованых гвоздей брали уже по дюжине, а сапожных и вовсе по три фунта. Стала продаваться проволока-тянучка, ее поставлял деревенский кузнец за двадцать миль к северу, а брали мебельщики — чего-то там стягивали.

В общем, дела пошли, и Мартин подумывал вскорости открыть вторую лавку на другом конце города, но — не сложилось.

В одну из ночей лавка запылала, и остались от нее только головешки — товар перед поджогом вынесли.

Уличный сторож утверждал, что ничего не видел, однако старательно прятал глаза и, когда Мартин пытался допросить его с пристрастием, угрожал пожаловаться королевскому полицайпрокурору.

Впрочем, и так было ясно, кто устроил поджог. В слободе имелись еще пять лавок по гвоздям и скобяной части — поджечь мог любой из их владельцев, поскольку цены новых лавочников никого не устраивали.

— Я найду этих сволочей, Мартин! Вот увидишь!.. — грозился Рони и действительно нашел. Через три дня запылала все пять скобяных лавок, и месть была произведена, однако легче не стало. Тридцать золотых монет, отданных за лавку, назад не вернулись, а на погоревшее место желающих не было.

Вместо покупателей горелого участка явился лично королевский полицайпрокурор в сопровождении двух сержантов — с главного рынка и с рыбного.

Мартин тогда сидел перед домом и кормил уток, которых разводила их домработница Зена — немолодая женщина пятидесяти с лишним лет. Зена вела все домовое хозяйство, считала расходы, и Рони с Мартином были счастливы, что однажды приняли ее на должность сторожа.

— Доброго дня, господин Мартин без фамилии... — издалека начал полицайпрокурор, а в дальнем конце переулка жались на углу пятеро владельцев погорелых лавок, которые и вызвали королевского чиновника.

— Доброго и вам здоровья, ваше превосходительство, — ответил Мартин, прогоняя уток и сбрасывая с колен крошки, которыми кормил птиц. Он подошел к невысокой ограде, понимая, о чем пойдет речь, в то время как Рони прятался за сараем.

Разговор был коротким. Предъявить обвинения уважаемым домовладельцам полицейпрокурор не мог, и все обошлось полупамятками. Как выяснилось при разговоре, в ночь поджогов Мартин спал, Рони тоже спал, и их работница также спала крепко, поскольку напилась капель валерианы от нервов. Мартин выразил свое сожаление, что ничем не смог помочь, и пожаловался, что их тоже пожгли — точно таким способом.

В общем — обошлось.

Но это были пустяки по сравнению с тем, что деньги почти кончились, а никакой новой торговли или другого прибыльного дела партнеры не нашли. Оставшаяся горстка серебра еще давала им возможность прожить в скромности месяца два, но в дальнейшем не наблюдалось никаких улучшений, поэтому однажды, сидя за ужином, Мартин и Рони, ковыряя вилками засахарившееся варенье, предавались невеселым думам.

Все свои идеи они уже использовали, а новых не приходило.

— Чего заскучали, хозяева? — спросила их баба Зена, ставя на стол позавчерашние полпирога с грушами.

— Дык, нету дела-то, — вздохнул Мартин и принялся жевать черствую корку, которую бросил три дня назад, да теперь Зена снова ее подсунула. Корка была жженой, но Мартин не замечал, поглощенный невеселыми думами.

— Зарабатывать нечем, баба Зена, — добавил Рони и сунул в рот кусок колотого сахара. Потом шумно запил его отваром и так же, как и Мартин, стал глядеть перед собой в стену.

— Ну, я похожу, поспрашиваю, — неожиданно сказала Зена, собирая крошки шербета и ссыпая их в отдельный мешочек — для особо приближенных уток.

У Зены учитывалась каждая крошка, и если бы не мясо да утиные яйца, серебро закончилось бы месяц назад, а так они еще сносно питались, и Зена обещала устроить на земле огород — все равно участок пустовал.

В ночь после визита королевского полицайпрокурора Мартин с Рони долго не могли уснуть, все смотрели в темноту и вздыхали, предлагая и тут же отвергая новые планы финансового оздоровления.

По всему выходило, что следовало уволить Зену, продать дом с землей и переехать в деревню, чтобы там на эти деньги сводить концы с концами еще лет двадцать. Плохо? Плохо и скучно. Но ведь жили же как-то деревенские, и ничего — женились, плодились, растили деток.

— Мы могли бы завести корову, — предположил Мартин и вздохнул. Он и с утками-то справлялся с трудом, хотя Зена доверяла ему только угостить их крошками. А тут — корова.

— Лучше уж к лихому ремеслу вернуться, пока нас здесь никто не знает... — пробубнил Рони.

— Это не лучше, чем корова и даже свиньи, Рон. Вернувшись к ремеслу, ты ничего не выиграешь. Нет, мы стараемся что-нибудь придумать.

Они немного помолчали, но сон так и не шел.

— А знаешь, мы могли бы не увольнять Зену, если поедем в деревню. Она такая хваткая, все знает, все умеет.

— Это да, с ней будет проще. Она и огород может посадить.

— И я смог бы помогать ей — землю копать. Я однажды рыл подкоп под домом одного купца. Большой такой, длинный, мы через него не только золотишко вынесли, но даже стулья и бархатные занавески. И все за два часа, пока он на рынке с семьей шатался.

— Ладно, давай спать. Утром что-нибудь придумаем.

И они, наконец, заснули. А утро встретило их ясной погодой, пришедшей на смену густой облачности и легким ночным штормам, которые были характерны для этого времени года.

Несмотря на то что делать было особенно нечего, Мартин с Рони вставали достаточно рано, чтобы, поза-

втракав, отправиться в центр города и в порт, в поисках какой-нибудь работы или новой идеи.

Перед завтраком, верные приобретенной привычке, они чистили зубы, правда, уже не той первой щеткой — она стерлась от активного применения. Зена скрутила им на палочках воланы из бараньей шерсти, которые тоже годились в дело. А вместо белой душистой глины, которая тоже закончилась, натерла мела с известью, добавила мяты с корицей, и получилась глина ничуть не хуже прежней, и даже, по мнению Мартина, забирало новое снадобье значительно крепче.

Одно время у партнеров была идея продавать подобные средства в городе, но, порасспросив немногочисленных знакомых, они не встретили понимания, все только пожимали плечами и смеялись, удивляясь, что по утрам нужно зачем-то мыть зубы.

Одним словом, эта идея не прошла.

После завтрака Мартин с Рони вышли в город, полные решимости заработать хоть что-то ради принципа.

— Давай ящики в порту потаскаем, — предложил Рони. — А то уже как-то неловко даже.

— Согласен, — кивнул Мартин. — Или, там, двор какой приберем.

Рони не ответил. Все же таскать ящики ему казалось менее зазорным, чем махать метлой. Еще совсем недавно он был вором, и некоторые прошлые понятия в нем держались крепко.

И все же в этот день удача им улыбнулась. С острова Пасконь привезли четыре баржи соли, и все работники порта нанялись на их разгрузку. Мартин с Рони туда не попали — поздно пришли, однако тут же подвернулось торговое судно с Инзийского края, привезшее шкуры и валяную шерсть. Владельцы спешили управиться при хорошей погоде — разгрузка в дождь могла испортить товар, поэтому набирали всех подряд и изрядно переплачивали, так что Рони с Мартином принесли домой по серебряной монете.

Их одежда была пропитана потом, ноги гудели, болели спины, однако они были счастливы, ведь этот заработок приостановил их финансовую катастрофу.

Не обращая внимания на ворчание Зены, которой предстояло отстирать испорченную одежду, Мартин с Рони помылись теплой водой с крыши, где она нагревалась на солнце в старом медном баке, надели чистое исподнее и пошли на свой заросший участок пить отвар из кислой травы, который хорошо делала Зена.

Сегодня они чувствовали себя настоящими добытчиками.

3

Где-то в полночь на улице залаяли собаки, но Мартин с Рони их даже не услышали — после тяжелой работы они крепко спали. Своей собаки у них не было, а чужие не слишком беспокоили. Между тем некто, убедившись, что в этом дворе ему ничто не угрожает, перемахнул через каменную ограду и приблизился к дому. Встал к стене, огляделся и пошел кругом, проверяя, нет ли возможности забраться внутрь.

Но никаких прорех в обороне найти не удалось, а закрытые изнутри ставни поддеть ножом не получалось, сколочены были на совесть. Дверь также выглядела основательной, и даже скважина старого замка закрывалась изнутри заслонкой.

Незнакомец вздохнул и, приметив на заднем дворе еще несколько построек, двинулся в их направлении. Это было не то, на что он рассчитывал, однако и в пристройках случалось раздобыть хорошую одежду, связку колбас, а то и живого поросенка.

Чужак подошел к двери и замер, прислушиваясь — полная тишина. Он приоткрыл дощатую дверь, и та даже не скрипнула. Вошел внутрь и стал привыкать к темноте.

Света неполной луны, падавшего в окошко у дальней стены, ему хватало. Он был человеком привычным и умел шуровать на ощупь.

Вдруг впереди шелкнуло огниво, и за перегородкой загорелся прикрытый стеклом светильник.

Чужак достал нож и встал к стене. Главное — не дать поднять тревогу. И он был готов действовать.

Послышались шаркающие шаги, к тонкой двери перегородки кто-то подошел и остановился. Налетчик крепче сжал нож и затаил дыхание, собираясь бить, не раздумывая.

Неожиданно по его шее, словно змея, скользнула веревка, и не успел он испугаться, как сильный рывок заставил петлю затянуться. Раскинув руки, налетчик рухнул на пол и выронил нож. Не дожидаясь, пока он опомнится, Зена перебросила веревку через балку и, ухватившись за нее, повисла всем весом.

Поняв, что его удушают, налетчик вскочил, но петля поддернула его еще выше, затягиваясь все сильнее и не давая глотнуть воздуха.

— Не... не уби... вай... — прохрипел он.

Зена поддернула еще разок, потом отпустила веревку, и налетчик упал лицом вниз, а она тотчас завернула ему руки за спину и связала свободным концом веревки. Пока он приходил в себя, она подняла нож и села на перевернутый ящик.

— Перо-то у тебя кованое, не по чину, — сказала она, когда пленник смог повернуться на спину.

— Не мое это, от корешка одного досталось...

— От корешка, — повторила Зена и воткнула нож в досчатую стену. — Кого в городе знаешь?

— Да много кого...

Налетчик был несколько озадачен внешним видом особы, которая так жестко его скрутила, ведь это была пожилая худошавая женщина с седыми волосами, в застиранной ночной рубахе. Одним словом — старуха.

— Так кого ты знаешь?

— Пискалявого знаю, Кузнеца, Чигиря, Быча и Фуфу Зеленого...

— Это кто, мелочь?

— Нет, это самые основные — и в центре, и в порту. А ты, вообще, кто?

— Баба Зена я.

— Я тебя не знаю.

— Теперь знаешь. Что же мне с тобой делать?

— Отпусти меня, баба Зена. Отпусти, и так невезуха доконала. Второго дня колодники приняли, в подвале трясли — воду морскую в рот лили, едва не утопили. А в морду так дали, что едва сдюжил! Отпусти!..

— Не ори, — сказала Зена и вздохнула, раздумывая о чем-то своем. — Что за колодники?

— Дык этого, рыбного торговца Овцера люди. У него целая армия — в одном Пронсвилле на службе полсотни состоит, а еще по окраинам.

— Зачем ему столько?

— Так у него флот рыбачий немереный, шаланды так и снуют. Рыбой на полземли торгует — сильно развернулся.

— И ты такого туза раздеть решился?

— Да где раздеть-то, баба Зена? Ни за что захомутили, я там не один в засаду попал, они полслободы перехватили.

— Хипижают?

— Не то слово!.. Кто-то Овцера обидел, братва говорит — ларец унесли, а в нем золота всего фунта на три, да только это наследство какое-то, дорогое для него очень. Вот и подумали на наших.

— А вы не брали?

— Не брали. У нас дураков нет против Овцера переть, он же хуже разбойника — к полицейпрокурору жаловаться не побежит, волкодавов своих натравит.

— Стало быть, приезжие?

— Стало быть, так, но я тебе больше скажу...

Пленник заерзал, пытаясь улечься поудобнее, но при каждом движении перекинутая через перекладину веревка затягивалась на шее сильнее.

— Баба Зена, развяжи, я тебе все расскажу, ты же из наших — я вижу...

— С чего ты взял, что из ваших?

— По ухваткам.

Зена вздохнула и, встав с ящика, одним движением выпустила узел на руках пленника. Тот сразу освободился и, сев на полу, заулыбался, переводя дух. Потом снял с шеи петлю и отложил веревку в сторону.

— Одним словом — дело совсем мутное. Вроде как был спор у этого Овцера с какими-то купцами иноземными. Цена спора и тема неизвестны, но они пообещали его наказать и наказали. Ларец не просто увели, а перекололи охрану, по слухам — целую дюжину.

— Где этот Овцер обретается?

— На Галламе у него дом в городе, а еще в Запашке на берегу, там, где белый песок. Яруса в три. И забор такой, что не сунешься.

— Ладно, поняла.

Баба Зена выдернула из стены нож и подала пленнику рукояткой вперед.

— Бери перо и выметайся. Тебя здесь не было, мы не виделись.

— Да я, Зена! Да я никому!.. — засуетился пленник, пряча нож. — Спасибо тебе!..

— Иди уже... Как там твое погоняло?

— Творог!

— Ух ты!.. Надеюсь, хотя бы жирный?

— Не знаю, но бабам нравится!..

Творог выскочил за дверь и, разбежавшись по двору, перемахнул через ограду.

Заслышав шум, с запозданием загавкали соседские собаки, а Зена вздохнула и, подойдя к ночнику, прикрыла его колпаком.

До пробудки хозяев оставалось часа четыре, она могла поспать, прежде чем начать готовить завтрак.

Огонь в светильнике зашкворчал и погас. Зена зевнула и пошла к себе.

4

Тесто было поставлено с вечера и хорошо поднялось. Начинку Зена тоже сделала заранее, поэтому, разведя огонь в печи, принялась за готовку — к завтраку она наметила пирожки с картошкой и кислой сметаной.

Оба хозяина — старший и младший — пирожки любили.

Сделав обычную работу и накормив Мартина с Рони, Зена наскоро прибралась и, переодевшись, вышла в город, чего не делала уже с полгода, поскольку не было ни нужды, ни желания.

А чего ходить, если продуктовый рынок находился в паре сотен шагов от дома. Там были и овощи, и масло, и мука, и рыба. Вот и сидела дома. А в городе шум, грохот, повозки, нищие, прохожие и горластые зазывалы, от этого она давно отвыкла.

Люди сновали, задевая ее, толкали и спешили дальше по своим делам.

Иногда проносились карманники, но она, скромно одетая, их совсем не интересовала. Зато сама Зена буквально слышала, как воры втыкали проворные пальцы в чужие карманы то тут, то там, а потом уносились прочь с добычей, ввинчиваясь в толпу, словно ужи в тину.

Как же давно она не видела этой городской суеты! И тому были свои причины, ведь по здешним улицам ходило немало людей, кто мог напомнить ей о прошлых подвигах и потребовать уплаты.

Переваливаясь в плетеных чеботах, Зена, улицу за улицей, миновала центральную часть и по Молочному прогону двинулась к западной — морской части города,

наслаждаясь ароматами зрелых сыров, парного молока и простокваши. Она могла пойти и по Рыбной улице, но там пахло совсем иначе, молочная нравилась больше.

После Молочного прогона стояло несколько прачечных домов, потом тянулся пустырь с остатками снесенных построек, а еще шагов через триста начинался высокий забор из камня, за которым высились стены владений рыбного магната Овцера.

Зена прошагала вдоль стены и остановилась у глухих ворот, шитых из дубовой доски и носивших следы ударов тяжелого оружия — меча и молота. Видно, не зря у здешнего хозяина имелась немалая гвардия.

Зена подошла к воротам, дотронулась до них ладонью, а потом ударила.

«У-у-у,» — отозвались дубовые доски.

— Кто там?! — крикнул из-за ограды охранник.

— Это я — молочница!

— Какая, на хрен, молочница?

— Обычная. Принесла ряженку и каймак — как заказывали.

— Кто заказывал?

— Господин Овцер...

Возникла пауза, охранник охранял, но соображал туго.

— Да когда он мог тебе заказывать?

— А гулял по городу в прошлый раз со своими молодцами, кинул взгляд на мой товар, попробовал, сказал, что в жизни не пробовал лучше...

— Ладно, заходи.

Грохнул стопор, одна из створок подалась, и Зена проскользнула за первый рубеж.

Теперь перед ней было последнее препятствие без забора и дубовых досок — сидевшие у мощеной дорожки раскормленные гвардейцы Овцера.

— Эй, колбаса, ты это куда правишь? — проорал один из них, выходя на мостовую и расставляя руки, словно рыбу ловил.

— Мне нужен господин Овцер.